

12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ю.А. Герасина</i> О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГЛАВЫ 15 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	161
<i>А.А. Гнеушева</i> АНАЛИЗ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОНВЕНЦИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ «ПОКОЛЕНИЙ» ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	165
<i>Н.Ю. Давыдова</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА В РОССИИ В 1917-1928 гг.	168
<i>Е.В. Демидова</i> БЕСПРИЗОРНОСТЬ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	171
<i>Д.А. Мальбин</i> ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ВЛАДЕНИЯ	174
<i>Е.В. Марковичева</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ	177
<i>А.В. Меркулова</i> РЫНОК НЕДВИЖИМОСТИ КАК ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	181
<i>Е.Н. Михайлова, И.В. Михайлов</i> АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В СФЕРЕ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ	184
<i>В.А. Никифоров, М.А. Соболева, А.В. Тришкин</i> ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЕЙ СЛОЖНОСТРУКТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ НОРМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИРОВОГО ТОРГОВОГО ОБОРОТА	187
<i>Ю.Р. Орлова</i> ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	189
<i>А.В. Погодин</i> ПРАВО, ПРАВЕРЕАЛИЗАЦИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ	194
<i>М.В. Ситников</i> О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ АДВОКАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН, НАХОДЯЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	198
<i>О.Р. Чудинов</i> ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	201

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>М.И. Алдошина, С.В. Воронков</i> МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УНИВЕРСИТЕТА	206
<i>А.Н. Бакуров</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ДИНАМИЧЕСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ	215
<i>Е.И. Галова</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПОВ ОРИЕНТИРОВКИ С УРОВНЕМ ОРГАНИЗОВАННОСТИ ГРУППЫ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬЮ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	218
<i>Ю.В. Гришина</i> ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ В УСЛОВИЯХ ПРАКТИКИ	223
<i>Е.Ф. Дудина, Е.Н. Пузанкова, Е.А. Хованская, М.А. Соболева</i> ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК БАЗА РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ОГУ	229
<i>Ю.В. Дуленова</i> ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА-ВЫПУСКНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	235
<i>Е.В. Дьякова</i> ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОСОЗНАНИЯ И НАВЫКОВ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	239
<i>Н.А. Идрисова</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» В ПЕДАГОГИКЕ КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ	242
<i>Н.А. Ильина, О.В. Опрятова, Е.В. Кузнецова</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ВУЗА	246
<i>И.Р. Левина, Е.В. Марковичева</i> ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В МАГИСТРАТУРЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ФОРИСПРУДЕНЦИЯ»	251
<i>С.В. Макеева</i> К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО ВУЗА	253
<i>В.С. Петров</i> ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА	257
<i>Е.Н. Пузанкова</i> СОФОРМИРОВАННОСТЬ ОБРАЗНОГО СТРОЯ РЕЧИ И ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ 5-11 КЛАССОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА ОСНОВЕ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ	260
<i>Е.А. Санкова</i> АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА СРЕДСТВАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ	263
<i>Т.И. Смагина</i> КОНТЕКСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА-БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	270
<i>Л.А. Сысоева, А.С. Носкова</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗИКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ	274
<i>М.Н. Уварова, Г.А. Павлова</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА	277

4. Материалы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 12 месяцев 2012 г. // Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2012 год (раздел 2, 3) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=798iten=1776/>
5. *Рогова Е.В.* Исправительные работы и особенности их применения к несовершеннолетним: Дис. к.ю.н. / Восточно-Сибирский институт МВД РФ. Иркутск, 2004. С. 206.
6. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2012 года). М: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38.

References

1. *Belyakova O.V.* The brief analysis of practice of purpose of punishment the minor the convicted prisoner in Russia. The almanac of a modern science and formation. Tambov: the Letter, 2011. № 12 (55) // www.gramota.net/materials/1/2011/12/1.html
2. *Borovikov V.B.* Questions punishment of minors through the prism of changes in criminal and criminal Executive legislation//Novelties of the criminal legislation and the problems of law enforcement practice. Collection of scientific articles. M.: Moscow University of the MIA of, 2004.
3. *Voloshin V.* Criminal-legal policy of Russia in respect of juvenile offenders and the role of liability in its implementation. Diss. Dr. Jur. Ekaterinburg, 2008.
4. Materials of the judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 12 months 2012. Report on the number of prosecutions and types of criminal punishment for the year 2012 (section 2.3) on. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=798iten=1776/>
5. *Rogova E.V.* Correctional work and peculiarities of their application to minors. Diss. Dr. Jur. East-Siberian Institute of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. Irkutsk. 2004.
6. State of crime in Russia (January-December 2012). Giac Ministry of internal Affairs of Russia. 2013.

УДК 340.132.1

А.В. ПОГОДИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: osibaeva@mail.ru

UDK 340.132.1

A.V. POGODIN

candidate of Sciences in Law, Associate professor of the chair "Theory and History of State and Law" Kazan (Volga region) Federal University
E-mail: osibaeva@mail.ru

ПРАВО, ПРАВОРЕАЛИЗАЦИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

LAW, LAW REALIZATION AND MORALS

В статье раскрыты некоторые актуальные для современной практики особенности взаимосвязанности объективного права, правореализации и нравственности. В процессе общего нормативно-правового регулирования игнорирование нравственных принципов, норм, ценностей, идеалов добропорядочного поведения и специфики их проявления в той или иной практике порождает явные или скрытые дефекты объективного права, следовательно, негативно влияет на функционирование и развитие правореализации.

Ключевые слова: объективное право, ситуационное право, правореализация, нравственность, правореализационная ситуация.

The article reveals some urgent for modern practice features of interrelation of law, law realization and morals. Ignoring of moral principles, norms, values, ideals of respectable behavior and specifics of their manifestation in the course of legal regulation generates obvious or hidden defects of law, therefore negatively influences functioning and development of law realization.

Keywords: law, situational law, law realization, morals, law realization situation.

Актуальность проблемы. 1. Субъект нормативно-правового регулирования, например, законодатель создает абстрактно-общие нормы (объективное право) с учетом системы факторов. Среди них основополагающим фактором является конкретная практика (практика суррогатного материнства, практика купли-продажи земли и т.п.), а также нравственность как интегрированная в практику ее составляющая и одно-

временно как социально значимый регулятор любой практики. Игнорирование нравственных принципов, норм, ценностей, идеалов добропорядочного поведения и специфики их проявления в той или иной регулируемой практике порождает явные или скрытые дефекты объективного права, следовательно, негативно влияет на функционирование и развитие практики. 2. Нравственность в качестве специфического инстру-

мента повышения эффективности правореализующей деятельности функционально необходима субъекту правореализации, разумеется, если он умеет использовать ее потенциал не только там, где надо, но и там, где допустимо. Кроме того, нравственность существует в виде формализованного знания (этика) и задействуется социально ответственной личностью в процессе самообразования и самовоспитания, в том числе в формировании развитого полноценного правосознания, без которого невозможна правореализация.

Взаимозависимость нравственности и права.

В развитии права, государства и общества вопреки прогнозам пессимистов и скептиков отчетливо прослеживается постепенное взаимопроникновение и взаимообогащение с сохранением относительной самостоятельности права и нравственности (морали). Эта существенно значимая для стабилизации жизнедеятельности социума и содержания права закономерность выражается в формуле: если в прошлом оно (содержание права) – лишь «минимум нравственности» [1], то современная его модификация в большей степени, хотя не в полном соответствии с ожиданиями оптимистов и идеалистов, наполнена общечеловеческими нравственными принципами, правилами, ценностями, идеалами. Иначе и быть не может. Поскольку у них 1) единый материальный источник (он же объект регулирующего воздействия) – многообразная социальная практика, 2) во многом совпадающие цели и соотносимые функции, 3) общий механизм действия через сознание и психику личности. В частности, правовые нормы, а тем более нравственные регуляторы, адресованы не просто некой обезличенной юридической фикции, то есть той или иной организационно-правовой структуре, например, юридическому лицу, публично-правовому образованию. Это характерно (и верно с точки зрения нормативной теории) для объективного права – регулятора в статике. В функциональном состоянии как регулятор в динамике оно обращено через ситуационное право к конкретному праводеспособному человеку, прежде всего к тем, зачастую слаборазвитым и «спящим» глубинным структурам сознания и психики человека, которые непосредственно отвечают за социальное целесообразное и поддерживаемое здравомыслящей частью социума добропорядочное, т.е. соответствующее принципам добросовестности, справедливости, другим принципам нравственности и права, поведение.

Более того, субстанционально право (добавим – и мораль) «есть искусство добра и справедливости» (это установили еще отцы-основатели юриспруденции) и как таковое в силу своей функции социально значимого регулятора оно должно не только запрещать социально вредное поведение, но и регламентировать социально допустимое поведение, в том числе стимулировать социально востребованные виды добропорядочного поведения во всех практиках и видах общественно значимой деятельности, создавать необходимую и достаточную нормативную основу для их эффективной охраны и защиты представителями правоохранительных и судебных институтов государства и общества.

Нравственность, как объективный социальный нормативный регулятор, существующий независимо от сознания и психики частного и публичного субъекта, формализована, закреплена и «рассредоточена» – не случайно еще Руссо предлагал создать моральный кодекс, и эта задача актуальна сегодня – прежде всего, в религиозных текстах, а также профессиональных кодексах этики, произведениях литературы и науки, основополагающих документах международного права и частично в законах. Этот объективный регулятор и основанная на ней система нравственного воспитания, если эта система реально действует в государстве и обществе (что труднодостижимо, а в условиях нестабильности невозможно), как раз и призвана:

1. формировать и развивать социально значимые структуры сознания и психики личности (нравственное сознание личности);
2. создавать неформальные критерии определения социально опасного, социально вредного, социально допустимого и социально одобряемого поведения;
3. устанавливать запреты и ограничения для социально вредного и опасного поведения;
4. регламентировать и обеспечивать специфическими средствами добропорядочное поведение.

Право и нравственность – ведущие системообразующие для социальной регуляции взаимодополняемые объективные регуляторы. Их взаимопроникновение и взаимообогащение не есть результат одного благого намерения, высоконравственности сознания и доброй воли или какого-нибудь иного субъективного побудительного мотива нормотворца абстрактно-общих норм. В основе этой закономерной глобальной тенденции нового и новейшего времени лежат объективно существующие и реальные процессы [2, 3]. Дело в том, что многие социальные ситуации и возникающие в этих условиях отношения, например, отношение суррогатного материнства, избирательное отношение, отношение трансплантации органа и т.п., имеют внутреннюю логику функционирования и развития или, точнее, по своему социально-предметному и психологическому содержанию изначально нормативны, т.е. им свойственна вполне конкретная достаточно устойчивая структура ситуационной свободы и ответственности (ситуационной социальной коммуникации), в пределе которой субъекты-участники могут самостоятельно действовать, выбирать оптимальный алгоритм поведения для удовлетворения ситуационного интереса и при этом не разрушать структуру отношения, сохранять возникшую социальную коммуникацию. Как только одна из сторон или обе выходят за границы нормативности отношения, за границы его естественного поля свободы, оно перестает нормально функционировать, деформируется и тогда возникает основание, например, для охранительного отношения.

Отношение суррогатного материнства и любое социально значимое публичное и частное отношение имеет нравственное измерение и нравственную составляющую (а многие из них дополнительно еще правовое измерение и правовую составляющую). Применяя

системно (а не что-то одно в отдельности, например, принцип справедливости) общечеловеческие нравственные принципы, правила, ценности, идеалы, можно понять в процессе социально-правовой квалификации не только социально-психологическую сущность и ценность конкретной ситуации и отношения, но и определить какой вариант (или варианты) поведения в данной ситуации допустим, какой – желателен и является добропорядочным, а какой – социально вреден и даже опасен. Для социально ответственного частного и публичного субъекта нравственность выступает в качестве одного из инструментов оценки-анализа и измерения социальной практики (гносеологическая функция). Это первый этап регулирующего действия. Затем по мере развития практики, когда то или иное отношение социально востребовано и массово распространено, с помощью нравственности конструируется нормативная модель добропорядочного поведения в структуре альтернативных моделей поведения в пределе данной социальной ситуации. Причем этот специфический инструмент могут использовать и используют в своей деятельности не только субъекты, осуществляющие общее нормативное правовое регулирование, например, законодатель, но также частные и публичные субъекты правореализации, например, практикующий юрист. Если конкретное отношение и ситуация подвергаются общему нормативному правовому регулированию, то это сопровождается, конечно, в зависимости от уровня развития нравственного и правового сознания нормотворца абстрактно-общих норм, или может сопровождаться инкорпорацией нравственной составляющей отношения в содержание объективного права.

Кроме того, в объективном праве закрепляются основные и наиболее значимые для социума нравственные принципы, ценности и запреты. При этом регулятивный потенциал нравственности переводится в плоскость нормативно-правовых предписаний и установлений с помощью тех средств и методов, которые характерны для первичной формы права. В этом случае нравственность и право дополняют друг друга, усиливают свое регулятивное воздействие на человека, социальную группу, общество и государство [4, 5].

Принцип нравственной обусловленности правореализационной ситуации. В сложной частной, а иногда и публичной правореализационной ситуации – и с этим вряд ли можно спорить – есть несколько моделей правомерного поведения. Среди них выделяется модель добропорядочного (добросовестного) поведения. Она связана с тем, что большинство таких ситуаций имеют нравственное измерение и в этом смысле обусловлены нравственными принципами, правилами, ценностями, идеалами. Практикующий юрист использует (вместе с юридическими) эти нравственные инструменты, определяет содержание и форму возможного в данной правореализационной ситуации добропорядочного поведения, проводит анализ перспектив его реализации и возможных социально-правовых последствий. Каждый высокопрофессиональный юрист обязан, как бы па-

тия конкретной ситуации (а она порой вынуждает действовать быстро и торопит правореализаторов), наряду с теми или иными допустимыми вариантами правомерного (и даже противоправного) поведения, предложить модель добропорядочного поведения [6]. Особенно, если он консультирует публичного субъекта (государственного и муниципального чиновника, руководителя юридического лица, лидера публично-правового образования). При этом выбор всегда остается за интересантом-доверителем. Практикующий юрист не должен навязывать и тем более, злоупотребляя доверием, сам определять правореализационную тактику. Но чтобы эти рекомендации были актуальными и акцентированно-предметными, а не абстрактно-отвлеченными в стиле нравственного поучения, он должен обладать развитым нравственно-правовым сознанием. Почему практикующий юрист должен проводить анализ нравственной обусловленности сложной правореализационной ситуации и предлагать альтернативу в виде добропорядочного поведения? Какие есть для этого основания и причины? Можно выделить по крайней мере две причины-основания. Во-первых, социально и профессионально ответственный юрист – это не просто высокие слова, это объективно существующее требование-реальность – является проводником добра и справедливости в конкретной правореализационной ситуации. Именно в этом заключается его социально-правовая функция (миссия) и профессионально-нравственный смысл деятельности. По аналогии с клятвой Гиппократов – а ее необходимо ввести в структуру профессиональной подготовки – клятва практикующего юриста в качестве основного положения должна бы включать обязательство служения добру и справедливости или стремление, как мечтал И.Кант, к торжеству категорического нравственного императива. Только тогда право становится действительно правом, а человек, социальная группа, общество, государство, не подавляя друг друга, гармонично взаимодействуют и сосуществуют на основе права и нравственности, только тогда правореализация выстраивается в целостную систему инициирования, поддержки, упорядочивания, обеспечения структурно-функциональной стабильности социально-целесообразной, в том числе инновационной, деятельности, а при необходимости охраны и защиты здоровья и жизни ее участников, их законных интересов и ценностей, если правореализующая деятельность подавляющего большинства юристов, других социально ответственных частных и публичных субъектов нацелена там, где возможно, на добро и справедливость.

Во-вторых, в некоторых как частных, так и публичных сложных правореализационных ситуациях поведение, совершенное с целью противной основам правопорядка и нравственности, является ничтожным. Здесь добросовестное поведение вообще наиболее целесообразно и оптимально. Поскольку такая модель строится не только исключительно на нравственности, но и на тех ее принципах, ценностях, правилах, которые

ском, семейном, налоговом, избирательном, административном праве. Особенно принцип нравственной обусловленности сложной правореализационной ситуации актуален для субъекта правоприменения, прежде всего, для судьи (коллегии судей). В частности, Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» дополняет п.4 Ст.167 ГК РФ дискреционной нормой [7] в соответствии с которой: «Суд вправе не применять последствия недействительности сделки (пункт 2 настоящей статьи), если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности» [8].

Добропорядочное поведение в правореализационной ситуации имеет неоспоримое преимущество перед той или иной моделью допустимого поведения, прежде всего, с точки зрения духовно-психологического и правового результата. Для многих здравомыслящих людей, особенно для тех, кто ценит и понимает жизнеутверждающую силу добра и справедливости в конкретной правореализационной ситуации, это, порой, важнее, чем социально-правовые, например, материальные результаты. Особенно если юрист способен детально и предметно объяснить интересанту-правореализатору, что он может потерять и приобрести, действуя добропорядочно.

Библиографический список

1. Соловьев В.С. Нравственность и право // История философии права. СПб., 1998. С.453.
2. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008. С.345.
3. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2004. 430 с.
4. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008. С.198-231.
5. Радбрух Густав. Философия права / пер. с нем. М.: Международные отношения, 2004. С.49-60.
6. Погодин А.В. Элементы теории правореализации. Исследование практики взаимодействия частных и публичных субъектов, права, социокультурной среды. - LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 260 с.
7. Валеев Р.Г. К вопросу о дискреционных нормах российского права // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Т.154. Кн.4. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. С.7-15.
8. Российская газета. 2013. 13 мая. №99(6075). С.11.

References

1. Solovyov V.S. Morals and law // Philosophy of law history. SPb., 1998. pp.453.
2. Mal'tsev G.V. Moral bases of law. M.: SGU, 2008. pp. 345.
3. Tsybulevskaya O.I. Moral bases of Russian modern law: dis... doc. of science of law. Saratov, 2004. 430 pp.
4. Leist O.E. Essence of law. Problems of theory and philosophy of law. M.: Zertsalo, 2008. pp.198-231.
5. Radbruch Gustav. Philosophy of law / translation from German M.: International relations, 2004. pp.49-60.
6. Pogodin A.V. Elements of law realization theory. Research of interaction practice of private and public subjects, law, sociocultural environment. - LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 260 pp.
7. Valiev R.G. To a question about discretionary rules of Russian law // Proceedings of Kazan University. Ser. Humanities. Vol.154 Book 4. Kazan: Kazan University, 2012. pp.7-15.
8. Russian Newspaper. 2013. 13 may №99(6075). pp.11.